

Как следует из документа, особенно отмечались сотрудничество в области физико-химических основ жизни. Действительно, в 1970-е гг. развернулось плодотворное сотрудничество между советскими и французскими учеными в области молекулярной биологии и биохимии. Так, в рассматриваемый период состоялось несколько советско-французских симпозиумов по этой проблеме. Первый из них под названием «Структура и функции нуклеиновых кислот» проходил с 3 по 5 сентября 1974 г. в Пущино. Согласно отчету о сотрудничестве с Францией за 1974 г., симпозиум прошел на высоком уровне. В нем приняли участие 25 французских ученых, в том числе такие известные ученые как профессора Марианна Грюнберг-Манаго, Франсуа Гро, Жан-Поль Эбель и др. Советскую сторону представляли академики А.А. Баев, В.А. Энгельгард, А.С. Спиринов, члены-корреспонденты Г.К. Скрябин, М.Н. Колосов и др.

Характерно, что данное сотрудничество продолжалось в течение двух десятилетий, симпозиумы проводились поочередно в СССР/России и Франции до середины 1990-х гг. В 1970-е гг. на французской земле симпозиумы организовывались в Конкарно (1975), Ментоне (1976), Порт-Кро (1979), а в Советском Союзе встреча ученых проходила в Ташкенте (1977).

Вместе с тем научные контакты советских и французских биологов осложнялись общими проблемами советской науки, значительно тормозившими развитие международной коллаборации отечественных ученых. «Холодная война» и «железный занавес» создавали существенные трудности, выражавшиеся в запретах на выезд советских исследователей и в жесткой регламентации визитов зарубежных партнеров. Как свидетельствуют документы, подобная бюрократизация иногда приводила к некомпетентному формированию делегаций, к финансовым затруднениям советских ученых. При этом приезжавшие французские исследователи не всегда имели возможность посетить желаемые лаборатории и могли столкнуться с некачественным обслуживанием.

Список литературы

1. «От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения. 1956–1973 / Науч. редактор и отв. составитель Г.Ж. Мулек. М.: МФД, 2015. 624 с.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 579. Оп. 13. Д. 89. Л. 64.
3. РАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 78. Л. 127.
4. РАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 89. Л. 57–58.
5. РАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 2.
6. Визит Л.И. Брежнева во Францию // Правда. 1974. 6 дек.
7. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 77. Д. 166. Л. 8.

МЕДИАСРЕДА ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИЛИ КТО УПРАВЛЯЕТ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?¹

Шиповалова Л. В.

*Доцент, доктор философских наук
СПбГУ кафедра философии науки и техники
(Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 165.12

В докладе предлагается философская критика трех парадигмальных элементов, определяющих научную коммуникацию между экспертами, обществом и властью в поле публичной политики. Высказываются сомнения относительно однозначности субъектов

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РНФ № 19-18-00210 Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости.

коммуникации, управления как контроля и регулирования, а также цифровых технологий как средств управления и проводников коммуникации. Контексты данной критики задают концепты распределенного познания, управления как рефлексивной координации, а также технологий как посредников.

Ключевые слова: научная коммуникация, управление и управляемость, цифровые технологии, публика и власть.

MEDIA ENVIRONMENT OF SCIENCE COMMUNICATION OR WHO RULES THROUGH DIGITAL TECHNOLOGY

Shipovalova L.V.

DSc in Philosophy, Associate Professor

Saint Petersburg University

(St. Petersburg, Russia)

The paper offers a philosophical critique of three paradigm elements defining science communication between experts, society and government in the field of public policy. The author expresses doubts about the unambiguity of communication subjects, governance as control and regulation, and digital technologies as governance tools and communication mediators. The concepts of distributed cognition, governance as reflexive coordination, and technology as intermediaries define the contexts of this critique.

Keywords: scientific communication, governance and governability, digital technologies, public and power.

Публичная научная коммуникация – явление далеко не однозначное, особенно, если речь идет о взаимодействии научных экспертов, публики и власти. Каким бы способом она не осуществлялась, могут быть высказаны сомнения, скажем, в актуальности для ученых включаться в публичную сферу, в допустимости политизации науки посредством установления отношений экспертов и власти, в конкретизации целей, которые достигаются этим взаимодействием по факту или должны достигаться по праву, в необходимости вовлечения в такую коммуникацию публики. Какими бы ни были ответы на такого рода сомнения, чаще всего они имеют форму установления предпосылок, выработки однозначных оснований для действий, выражающих интересы того или иного субъекта. Потому эти ответы всегда могут стать предметом философской критики, предполагающей движение к интересу всеобщему и преодолению всякой субъективной или партийной позиции. Единственным основанием такой критики, ее началом, которое само не является предпосылкой, поскольку уже включает в себя жест рефлексии и сомнения, может быть выдвигание в качестве цели публичной научной коммуникации создания или обнаружения «лучших способов совместного проживания в современном мире» неопределенности [1]. Однако остальные элементы, задающие форматы коммуникации науки, общества и власти, могут быть подвергнуты критике.

На первый взгляд само собой разумеющимся является то, что коммуникация, связанная с публичной политикой как сферой принятия решений, предполагает однозначно определенного субъекта окончательного действия и ответственности. Как правило, речь при этом идет о субъекте власти, реализующем так называемую децизионистскую модель взаимодействия с научными экспертами и публикой (Ю. Хабермас). Все остальные участники должны этому субъекту в том или ином смысле подчиняться, что делает коммуникацию организованной иерархически. Представляется, однако, что такое положение дел неадекватно требованиям принятия решений в сложных кризисных общественных ситуациях, связанных, например, с техногенной катастрофой, эпидемиологической опасностью, политическим напряжением и т.п. В этом случае научные эксперты должны не

просто давать вариативные рекомендации, но принимать непосредственное участие в решении проблем, а публика должна активно включаться, поддерживая и разделяя рациональность решений своими действиями. Следует отметить, что такое распределение участия не является полным и все еще остается предметом возможной критики. Здесь не учитывается активная роль информационной и коммуникативной среды, обеспечивающей взаимодействие, представляющей собой необходимый элемент распределенного познания при разрешении проблемных ситуаций [2; 3]. Различного рода цифровые платформы – официальные и неофициальные – оказываются включенными в процессы решения проблем, а дискуссии, ими обеспечиваемые, мотивируют или останавливают публику в реализации решений.

Эта активная роль цифровых технологий может не быть учтена с позиции представления об управлении (technology governance), трактующего последнее как контроль и регулирование и, соответственно медиасреду как подчиненный объект или средство. Однако такая позиция становится проблематичной в ситуациях кризиса, когда сами основания действия для субъекта власти оказываются неопределенными. Тогда следует говорить уже об управлении посредством «рефлексивной координации» [4]. Это понятие характеризует такого рода процедуры общественного управления, когда основание заранее не дано и вырабатывается в самом процессе, также как и окончательное распределение ролей активных и ответственных участников. Рефлексия здесь предполагает возможность понимания ограниченности любой позиции и в силу этого принятия в расчет позиции другого. Координация же оказывается единственно возможным жестом власти, согласовывающим различные перспективы и выстраивающим медиацию позиций и интересов в контексте общей цели обнаружения или конструирования лучших путей совместного проживания в общем мире неопределенности. Однако и в этой ситуации все еще можно рассматривать цифровые технологии как средство если не реализации доминирующих интересов властных элит, то, вовлечения граждан в управление или научных экспертов в обсуждение проблемы.

Развивая критику, следует отметить, что, как и другие медиаторы, организующие коммуникативную среду или обеспечивающие сетевое взаимодействие, цифровые технологии могут быть рассмотрены как проводники или как посредники [5, с. 55–63]. Первые призваны и способны передавать информационный сигнал или реализовывать интенцию воздействующего субъекта без искажения и в полной мере. Вторые активно включаются в перевод и своим дизайном, дополняя реализацию конкретной функции, влияют, порой непредсказуемо, на участников процесса. Следует отметить, что любые сложные технологические устройства могут обнаруживаться в качестве посредников, создавая в силу этого повод для дополнительных когнитивных и социальных исследований взаимодействия людей и технологий при их использовании [6]. Особая ситуация имеет место тогда, когда в цели действующих лиц коммуникации – в данном случае научных экспертов, субъектов власти и публики – включено предположение понимания технологий как проводников, а их посредническая роль становится неучтенной. Хотя эта вторая роль обнаруживается, например, в существенном различии коммуникативного эффекта официальных и неофициальных платформ как элементов цифровой медиасреды публичной научной коммуникации, а также в значении их дизайна, предоставляющего возможность, скажем, для организации обсуждения со снятием ценностной поляризации позиций или с включением максимального количества активных участников. В этой ситуации субъектом, управляющим посредством цифровых технологий, может становиться не тот, что заранее наделен властными полномочиями, но тот, кто сможет актуализировать не всегда очевидные возможности этими технологиями предоставляемые.

Список литературы

1. Law J. STS as Method // Handbook on Science and Technology Studies, edited by U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, and L. Smith-Doerr. Cambridge, MA: MIT Press. 2016. P. 31–57.
2. Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.

3. Press A.L., Williams B.A. The New Media Environment: An Introduction. Wiley-Blackwell, 2010.
4. Hofmann J., Katzenbach Ch., Gollatz K. Between coordination and regulation: Finding the governance in Internet governance //New media and Society. 2017. Vol. 19(9). P. 1406–1423.
5. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М., 2014. – 384 с.
6. Hutchins E. The Cultural Ecosystem of Human Cognition // Philosophical Psychology. 2014. Vol. 27 (1). P. 34–49.

ВЗГЛЯД ИЗ 1920-Х ГГ. НА ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ (ПИСЬМО С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА К А.И. РЫКОВУ)

Юсупова Т.И.

*Доктор исторических наук
СПбФ ИИЕТ РАН,
(Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 56(517.3+47)(09)

В докладе будет сделан сравнительный анализ некоторых проблем академической науки 1920-х гг. и сегодняшних, прежде всего, попытки бюрократических структур усилить контроль за академическими институтами. В качестве источника для сравнения рассматривается письмо неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга к главе советского правительства в июне 1926 г. Ольденбург обращает внимание правительства на слабое взаимодействие государственных структур, курирующих науку, с Академией наук. Они не только контролировали Академию наук, но и навязывали свои решения по развитию ее деятельности. Ольденбург призывал изменить такой подход, не «администрировать» Академию наук, а помогать в решении проблем. Как показало время, и сегодня в дискурсах о проблемах российской науки тема «наука и бюрократия» осталась актуальной.

Ключевые слова: Академия наук, наука и бюрократия, С.Ф. Ольденбург, взаимодействие с государственными структурами

A LOOK ON THE PROBLEMS OF PRESENT-DAY ACADEMIC SCIENCE FROM THE 1920S (A LETTER FROM S.F. OLDENBURG TO A.I. RYKOV)

Yusupova T.I.

Doctor in History

*Institute for the History of Science and Technology, St.-Petersburg branch, RAS
(St.-Petersburg, Russia)*

The paper compares some of the problems of the Academy of Sciences in the 1920s with nowadays ones. First of all, it focuses on attempts by bureaucratic structures to strengthen control over academic institutions. One of the sources for comparison is a letter from the Permanent Secretary of the Academy of Sciences academician S.F. Oldenburg to the head of the Soviet government. Oldenburg drew the attention of the government to the weak interaction of government agencies in charge of science with the Academy of Sciences. They tightly controlled the activities of the Academy of Sciences. Oldenburg called for a change this approach, not to direct scientific work, but to help the Academy of Sciences to solve its problems. As time has shown, the topic “science and bureaucracy” has remained relevant in the discourses on the problems of Russian science until nowadays.

Keywords: Academy of Sciences, science and government agencies, S.F. Oldenburg, interaction